

А. Н. Цамутали

КРИТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ

Советские ученые, изучая исторические взгляды Н. Г. Чернышевского, его выдающуюся роль в разработке исторических проблем с революционно-демократических позиций, одновременно отмечают в числе главных его исторических заслуг ту борьбу, которую он вел против либерального направления в русской историографии.¹

Эта борьба приобрела особую остроту в период первой революционной ситуации. В отличие от 1840-х — начала 1850-х гг., когда главным идейным противником революционной демократии были историки официально-охранительного и славянофильского направлений, с середины 1850-х гг. представители либеральной историографии, которые до того в ряде случаев поддерживали историков революционно-демократического направления, не только стали порывать с ними, но и перешли в контрнаступление.

Внося некоторые уточнения в характеристику той роли, которую сыграл в этой борьбе Чернышевский, можно отметить ряд моментов. Следует подчеркнуть, что Чернышевский не только принял на себя основную тяжесть в борьбе с либеральной историографией, но также с большой проницательностью определил, кто из либеральных историков будет главным противником революционно-демократической историографии. Со всей определенностью он указал на Б. Н. Чичерина. Все наиболее важные исторические сочинения Чичерина были предметом глубокой и серьезной критики со стороны Чернышевского. Чернышевский откликнулся на статью Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России»,² на его книгу «Областные учреждения в России в XVII в.»³ Существенные замечания содержала статья Чернышевского «Г. Чичерин как публицист», представлявшая в своей основе развернутую рецензию на книгу Чичерина «Очерки Англии и Франции».⁴ В этой статье Чернышевский, в частности, писал, что

Чичерин «не замедлит сказать мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждой статьи Свода законов сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость обратится у него в разумность». ⁵ В историографической литературе отмечалось, что это «предвидение Чернышевского полностью оправдалось». ⁶ Таким образом, Н. Г. Чернышевский, который в конце 1850-х—начале 1860-х гг. принял на себя основную тяжесть борьбы с либеральной историографией, в своих статьях, направленных против исторической концепции Чичерина, не только предсказал дальнейшее поправление этого историка, не только указал на Чичерина как на главного противника революционно-демократической историографии, но и сделал это настолько твердо и решительно, что его позиция на многие годы вперед определила линию поведения историков революционно-демократического направления по отношению к Чичерину и его сторонникам.

Выдвинутая Чичериным во второй половине 1850-х гг. концепция, в основе которой лежала безудержная апология самодержавия, в первый момент вызвала протест не только в революционно-демократическом лагере. В числе прочих ею был шокирован и учитель Чичерина К. Д. Кавелин. С особой резкостью он выступил против провозглашенной Чичериным апологии централизованного государства. Эти чувства он вложил в свое письмо к М. Н. Каткову, написанное в 1857 г. и содержавшее решительный протест против гуверменталистских устремлений Чичерина. ⁷ Однако впоследствии Кавелин пошел не только на уступки, но и на сближение с Чичериным. В его работах все большее место стало отводиться роли самодержавия. Оно рассматривалось им уже не только как создатель централизованного государства, но и как главная движущая сила в истории России. С особой отчетливостью эти изменения во взглядах Кавелина обозначились в статье «Мысли и заметки о русской истории», опубликованной в 1866 г. ⁸

Сближение с Чичериным, наметившееся как у К. Д. Кавелина, так и у С. М. Соловьева, свидетельствовало о консолидации сил историков либерального направления. Это существенно осложняло положение революционно-демократического направления. Трудности, с которыми его представители сталкивались, усугублялись арестом Чернышевского, самого крупного и к тому же наиболее философски образованного его представителя. Однако, и в этом была великая заслуга самого Чернышевского, после его ареста, последовавшего в 1862 г., революционно-демократическое направление проявило большую твердость, последовательно выступая против какой бы то ни было апологии самодержавия в истории России. Представляется, что это стало возможным благодаря тому, что в своих работах, подвергших критическому разбору труды Чичерина, Чернышевский задал тон тому подходу, который был присущ подавляющему большинству исторических трудов, написанных с позиций революционно-демократического лагеря и вы-

шедших в свет уже после ареста Чернышевского. Исторические работы Н. В. Шелгунова, Г. З. Елисеева, А. П. Щапова, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова в ряде случаев по своему теоретическому уровню уступали трудам Чернышевского, по отдельным вопросам расходились с его точкой зрения. Однако в целом все они несли на себе отчетливую антисамодержавную, антикрепостническую направленность, тенденцию к критической оценке трудов историков либерального направления.

Критическое отношение к концепциям либеральных историков, непримиримая позиция по принципиальным вопросам, характерные для историков демократического лагеря, не исключали вместе с тем одобрительного подхода к тем историческим трудам, которые были написаны либерально настроенными авторами, но вместе с тем несли на себе печать враждебности к самодержавию или сочувственного отношения к народным массам. Именно оппозиционность к самодержавной власти, интерес к истории массовых народных движений, характерные для работ Н. И. Костомарова, написанных в конце 1850-х — начале 1860-х гг., были причиной одобрительного отношения к ним со стороны Н. Г. Чернышевского. На страницах «Современника» в 1857 г. Чернышевский напечатал написанную им положительную рецензию на первое издание книги Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий».⁹ Не оставил без внимания «Современник» и второе издание названной книги Костомарова. В 1859 г. на его страницах появилась рецензия, под которой стояла подпись «Грыцько» — псевдоним Г. З. Елисеева.¹⁰ Рецензия на второе издание была свидетельством того, что, одобряя в целом интерес, проявленный Костомаровым к борьбе украинского народа за свое освобождение, редакция «Современника» не во всем соглашалась с ним. В частности, в рецензии на второе издание Елисеев выступал против свойственной Костомарову идеализации личности Богдана Хмельницкого.¹¹ Стремление использовать сильные стороны книг Костомарова, посвященных истории народных движений, усилив сочувственное отношение к восставшим, можно проследить и в книге И. А. Худякова «Древняя Русь». Раздел, посвященный восстанию под руководством Степана Разина, дает основания для предположения, что фактическую канву для изложения истории этого движения Худяков позаимствовал у Костомарова. Вместе с тем Худяков с большей решительностью, чем Костомаров, связывал причины восстания с тяжелым положением народа, шел по пути раскрытия социального характера движения.¹²

Отношение Чернышевского, других представителей революционно-демократического направления к ранним трудам Костомарова, особенно к его книгам о Богдане Хмельницком и Степане Разине, показывает, что наряду с резко критическими высказываниями в адрес либеральных историков, подобными тем, что содержались в рецензиях на труды Чичерина, в отдельных конкретных случаях работы либеральных историков получали положительную оценку и рекомендовались широкому кругу читателей.

Благодаря популяризации работ либеральных историков, тех работ, которые содержали сведения о народных движениях и несли на себе оттенок оппозиционности по отношению к самодержавию, не только расширялся круг читателей и знакомился с историей борьбы народных масс против их угнетателей, но и преследовалась еще одна цель: эти исторические проблемы трактовались в духе революционно-демократических идей и звучали весьма актуально.

Такого рода выступления Чернышевского и его сторонников представляли собой одну из форм воздействия на либеральную историографию, способствовали тому, что взгляды целого ряда либерально настроенных историков эволюционировали под влиянием революционно-демократической историографии. Вопрос о влиянии Чернышевского на формирование концепций историков, в целом примыкавших к либеральному направлению, неоднократно затрагивался в новейшей историографической литературе. Так, М. В. Нечкина, занимаясь изучением того, как формировались взгляды В. О. Ключевского, сделала ряд интересных наблюдений, устанавливающих влияние, оказанное Чернышевским на Ключевского. Она указала, в частности, на знакомство Ключевского с работами Чернышевского, вышедшими в 1862 г., и отметила также, что Ключевский благодаря трудам Чернышевского и Фейербаха познакомился с материализмом, неприязненно относился к гегельянству, скептически отзывался о Б. Н. Чичерине и В. И. Сергеевиче.¹³ Можно предположить, что именно критические рецензии Чернышевского на труды Чичерина повлияли на такое отношение Ключевского к Чичерину и близкому к нему Сергеевичу. Анализируя пять последних лекций в четвертом томе «Курса» Ключевского, М. В. Нечкина останавливалась на том, как Ключевский характеризует крестьянское движение и крестьянский вопрос в России. По мнению М. В. Нечкиной, несмотря на то, что в предложенной Ключевским периодизации крепостного права имела место зависимость от теорий государственной школы, в ней были и рассуждения, обличавшие фиктивность права дворян на владение крестьянами и землей. Эти рассуждения Ключевского, дополненные сопоставлением крепостного права с винными откупам, по мнению М. В. Нечкиной, являлись концепцией «большой разрушительной силы», которая «могла бы стать вровень с блестящими выступлениями против крепостного права Герцена и Чернышевского».¹⁴

Отмеченное М. В. Нечкиной влияние идей Чернышевского на концепцию Ключевского, несомненно способствовало тому, что Ключевский не шел вслед за историками государственной школы, хотя и заимствовал ряд важных положений, выдвинутых ими. Вместе с тем не следует забывать, что приведенная М. В. Нечкиной оценка крепостного права в «Курсе» Ключевского, относится ко времени, следовавшему за революцией 1905—1907 гг. Таким образом, критический взгляд на крепостное право был изложен здесь В. О. Ключевским спустя сорок с лишним лет после его отмены. Чернышевский же выступал с критикой крепостного

права в годы, предшествовавшие проведению «крестьянской» реформы, а после 1861 г. разоблачал ее грабительский характер. Такое сопоставление, как нам представляется, убедительно показывает, насколько революционно-демократическая историческая мысль была решительнее в борьбе против крепостничества, а затем и его пережитков, по сравнению с либеральной историографией.

Приведя в настоящей, очень краткой по объему, статье, лишь ряд штрихов, характеризующих принципиальную позицию Чернышевского в его борьбе против либеральной историографии, ее автор стремился одновременно вновь привлечь внимание ученых к историческим взглядам Чернышевского. Дело в том, что в своем подавляющем большинстве они рассматриваются в исследованиях, дающих общую картину революционно-демократического направления в русской историографии. Работы, в которых бы исторические взгляды Чернышевского являлись предметом специального изучения, пока исчисляются единицами.¹⁵ К тому же они еще далеко не в полной мере исследованы, не определено их место в развитии революционно-демократической исторической мысли, они не сопоставлены с воззрениями противников Чернышевского.

¹ См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 409—413; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 7—66; Историография истории СССР / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971, с. 212—231; *Иллерицкий В. Е.* 1) История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963. 439 с.; 2) Революционная историческая мысль в России. М., 1974. 350 с.

² *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 642—650.

³ Там же, с. 568—584.

⁴ Там же. М., 1950, т. 5, с. 644—649.

⁵ Там же, с. 669.

⁶ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, с. III.

⁷ См.: *Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х гг. XIX в. М., 1972, с. 94—99.

⁸ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1904, т. 1, стлб. 583—676.

⁹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 701—702.

¹⁰ Современник, 1859, № 12, с. 161—171.

¹¹ Там же, с. 164—171.

¹² *Худяков И. А.* Древняя Русь. СПб., 1867, с. 208—227.

¹³ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 92, 102.

¹⁴ Там же, с. 542.

¹⁵ *Антонов В. Ф.* Историческая концепция Чернышевского. М., 1983. 86 с.